

АДАМ БАЗАРСКИЙ

ЗАЛОЖНИК

Адам Базарский

Заложник

<https://litres.ru/74636659>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он прошёл путь от затравленного подростка до талантливого хирурга, но так и не смог победить собственные страхи. Когда заманчивое предложение о работе приводит его в африканские джунгли, он оказывается пленником жестокого мира, где человеческая жизнь ничего не стоит. Чтобы выжить, ему придётся столкнуться с настоящим злом и узнать, на что способен человек, загнанный в ловушку.

Адам Базарский

Заложник

Глава первая. Десяток килограммов, которые меняют всё

В мире, где я живу, всё решают не ум и не доброта. Всё решают десяток лишних килограммов мяса и пара сантиметров в плечах. Кто больше, тот и прав. Кто тяжелее, тот и побеждает. Можно быть гнилым и трусливым внутри, но если тебя боятся, тебя уважают. А уважение открывает двери: девки, кэш, власть.

Я вырос на улице. В школе я был дрыщом: длинный, худой, с лоховским лицом, которое будто само просило кулака. Задирали меня всякий, кому не лень. А потом случилась одна история, после которой я понял всё.

Это было в беседке во дворе. Мой одноклассник Жак, здоровый, наглый, с вечной ухмылкой, подвёл к себе пацана лет двенадцати и кивнул в мою сторону:

— Эй, щегол. Вон тот длинный. Выйдешь с ним по разам. Малой оглядел меня, скривился и бросил:

— Да я ему жопу порву.

Я стоял и слушал это от мелкого. Ниже падать было некуда. Жак тут же начал подначивать, толкая меня в плечо:

— Ты слышал, что он сказал? И ты это проглотишь? Слил-ся ты, братан. Совсем опустился. Не подходи тогда к нам.

Я понял: откажусь, и об меня вытрут ноги даже малолетки. Душа ушла куда-то в район мочевого пузыря, но я всё же выдавил:

— Ты чё, братан, как ты мог такое подумать. Конечно, я выстегну щегла.

Щегол надрал мне зад. Двух ударов хватило, чтобы выбить из меня остатки храбрости. Потом он сделал подсечку, и я рухнул на холодные доски. Лежал и смотрел в небо. Жак всё-таки пожалел меня и сказал малому:

— Всё, харэ. Искандер нормальный пацан. Доказал, что не чертобес.

С того дня я пошёл на турник. Тощее тело подтягивалось с трудом, мышцы не росли: на нормальной еде они не вырастут, а у нас её не было. Но через месяц я уже вытягивал десять раз и отжимался пятьдесят, и мне казалось, что я стал сильнее.

Через два месяца выяснилось, что нет. Жак, снова стравил меня с каким-то малолеткой, и я снова отхватил люлей. Я был наивным подростком, жившим в книгах Жюль Верна. Мои родители, оба престарелые учителя, получали мизерную зарплату. Брат был ботаном, таким же лохом, как я. Как же я ненавидел Жака!

Но и не драться я не мог. Не станешь драться, и тебя сделают шестёркой. Сначала «подержи», потом «сбегай, принеси», потом «неси». Ты превратишься в раба, а потом тебя воткнут в приколы: над тобой будут шутить и унижать, а ты,

чтобы угодить, начнёшь тащить из дома вещи и носить им. Таков этот мир.

Я лежал на диване, смотрел в потолок, и в голове крутилась одна мысль: «Я не буду носить их пакеты».

В дверь постучали. Вошёл брат, худой, в очках, с книгой в руке.

— Ты чего не ужинаешь? — тихо спросил он.

— Не хочу.

— Опять дрался? — Он присел на край кровати.

— Да. Было дело.

— Может, расскажем отцу?

— Отцу? — усмехнулся я. — Он учитель. Всю жизнь втолковывает детям, что добро побеждает зло. Только в нашем дворе добро давно сдохло.

Брат помолчал.

— Тогда ходи так и каждому доказывай, что ты не жертва.

— Ладно, забудь.

— Я заднюю не дам, — сказал я. — Но и как они быть не хочу. И как ты тоже.

Брат ничего не ответил. Встал и вышел, тихо прикрыв за собой дверь.

Я остался лежать и думать о том, что мир несправедлив, что сила решает всё и что я ещё покажу этому миру, и Жаку, и всем. Для этого мало было стать сильнее. Нужно было стать другим. А хватит ли у меня на это духу, я не знал.

Я думал о тех, кого обоссали.

На районе это не просто слово. Это приговор. Я видел его своими глазами. Видел, как пацана по кличке Помидор, здорового и наглого, слишком быстро пошедшего вверх и начавшего борзеть, затащили в гаражи. Там его держали несколько часов. Били нестрого, но методично, как отбивают мясо, чтобы стало мягче. Потом поставили на колени.

— На колени, сука, — сказал Струняшев по кличке Струна. — Думал, спроса с тебя нет? Думал, тебе всё можно?

Помидор молчал и смотрел в землю.

— Жри, — сказали ему и сунули в рот горсть земли, чёрной, сырой, с песком.

Я стоял в толпе пацанов, смотрел и запоминал.

Потом случилось другое. Пацан по кличке Еврей, тот самый, что когда-то не давал прохода мне, решил, что он теперь авторитет, и начал задирать старших. Его тоже затащили в гаражи и продержали там всю ночь. Под утро кому-то из «старших» пришла идея. Он присел на землю, а потом сказал:

— Открывай рот.

Еврей не открыл. Ему сломали нос, и тогда он открыл.

Самого этого я не видел, ушёл раньше. Но потом рассказывали, как его рвало, как он плакал и просил прощения. Как после этого его всё равно заставили ходить за ними и носить их вещи. И как он носил, потому что боялся.

«Я не хочу, чтобы со мной так поступили, — сказал я себе. — Не хочу жрать землю. Не хочу стоять на коленях».

Но правду я знал слишком хорошо. Я трус. Я ненавидел себя за это: своё длинное, худое тело, лоховское лицо, нищету, старых родителей, брата-ботана. Ненавидел весь этот мир, где сила решает всё, а я слаб.

Через пару дней в дверь постучали. Вошёл брат.

— Искандер, там пацаны пришли. Спрашивают тебя.

— Какие пацаны?

— Жак и ещё двое.

Живот скрутило. Я знал, что это значит. «Дело» всегда одно и то же: сбегай, принеси, купи.

Жак стоял у подъезда в спортивных штанах и чёрной куртке. Рядом ухмылялись двое его шестёрок с одинаково тупыми лицами.

— О, Искандер! — Жак расплылся в улыбке. — Слушай, тут дело на миллион. Сгоняешь?

— Куда? — спросил я, хотя уже знал ответ.

— Загрузись по-братски. У меня там долг, продавщица на меня шкнит. Потом отдадим.

«Потом» на районе значит «никогда». Я это знал, и Жак знал, что я знаю.

— Братан, с лавэ напряг, не обессудь, — тихо сказал я.

Улыбка Жака погасла. Он подошёл вплотную, от него пахло потом и сигаретами.

— Помоги, братиш, — сказал он негромко. — Ты нормальный пацан, я о тебе только хорошее слышал. Ты ж не чёрт какой-то.

Внутри всё кричало: «Не ходи! Пошли его! Дай ему в морду!» Но тело не слушалось. Тело боялось и хотело выжить.

— Ладно... Только ты отдашь потом, да? — выдавил я.

— Обижаешь, братан. Я ж не барбос какой. У пацана днюха просто. — Жак хлопнул меня по плечу. — Беги. Всё верну на днях, я не чухан.

Ноги были ватными. В голове стучало: «Ты трус. Ты никто».

Я купил водку и закуску на деньги, которые мать дала на хлеб. Знал, что дома будет скандал: мать заплачет, отец промолчит и отвернётся. Придумаю, что потерял деньги. Пакет я отдал в беседке.

— Ну ты даёшь, — сказал Жак. — Наш пацан, понимающий. Присаживайся, выпей с нами за здоровье.

Я вежливо отказался и пошёл домой через тёмный двор.

— Ненавижу, — прошептал я. — Ненавижу себя.

Через два дня Жак пришёл снова и не один. С ним были двое: здоровый, с бычьей шеей, и мелкий, вертлявый, с бегаящими глазами. Улыбка у Жака была широкая, почти дружеская. Он свистнул мне под окном:

— Искандер! Подтягивайся, дело есть!

Я выглянул. Сердце упало, но я вышел.

— Салам, пацаны.

— Салам, дорогой. — Жак обнял меня за плечи, как старого друга. — Пробежимся? Погода вон какая, чего дома сидеть?

Его рука лежала на мне тяжело, как капкан. Я не отстранился и пошёл.

Мы двинулись по набережной. Ветер с реки гнал пыль и обрывки газет. Бык молчал, а Вертяк трещал без умолку про тачки, про девок, про то, как вчера «одного борзого укатали». Жак всё не отпускал моё плечо.

— Слушай, тема такая, — сказал он, когда мы отошли подальше. — Мы к тебе вроде как в гости. Чаем напоишь? Или не рад? Пойдём к тебе на хату.

Это был не вопрос. Это был приказ.

— Да рад, чего там, — тихо ответил я.

Дома никого не было: мать и отец на работе, брат шлялся где-то. Жак прошёлся по комнате как хозяин, заглянул в холодильник, в шкаф и остановился у серванта. Там за салфетками мать прятала деньги в жестяной банке из-под чая.

— О, — сказал он. — Смотри-ка.

Я стоял в дверях и смотрел, как он открывает банку и вытаскивает смятые купюры. Мать копила их по копейке.

— Нормально живёшь, упакованный, — хмыкнул Жак. — А с близкими не делишься. Ну что, расслабимся?

В магазине он стоял рядом и командовал:

— Водки. Закуски. Рыбы возьми. Колы. И вон ту шоколадку. И чипсы.

Я покупал всё. Денег не хватило, и я занял у продавщицы, тёти Вали, которая знала меня с детства. Она посмотрела на меня с жалостью и молча записала долг в тетрадку.

На набережной мы сели на лавку. Водка шла легко, я пил, чтобы заглушить то, что скребло внутри. Жак разливал и поднимал тосты:

— За Искандера! Наш пацан! Правильный!

Бык кивал. Вертяк поддакивал:

— Нормальный пацан. Гостеприимный.

Я смотрел на их довольные рожи, на то, как они жрут за мой счёт, и внутри начало закипать, медленно, как вода на огне. Я вспомнил мать, которая считает копейки и во всём себе отказывает. Вспомнил прошлый долг Жака: две тысячи, «потом отдам», с тех пор прошло полгода. Вспомнил беседу, кровь на губах и смех малолетки.

— Слушай, Жак, — сказал я. Голос охрип от водки. — Ты чё, за мой счёт жрать привык?

Он замер. Улыбка медленно сползла с его лица.

— Чё ты сказал, братишка? Попутал, походу?

Слова выходили сами, будто за меня говорил кто-то другой:

— Ты барбос, я смотрю. Любишь пожрать за чужой счёт, тарелочник. Забыл про прошлый долг? Наболтал, а думаешь, не спросят? Хорош людей в заблуждение вводить.

Бык с Вертяком переглянулись. Жак поднялся. Он был ниже меня на голову, но шире в плечах и тяжелее на двадцать килограммов.

— Набухался, что ли? — спросил он тихо. — Раз на роже дырка есть, значит, можно базарить? Или дома проблемы, в

депрессию впал?

Он размахнулся и влепил мне пощёчину, звонкую, хлёсткую. Голова мотнулась.

— Успокойся, — вмешался Вертяк. — Искандер, проветрись, чё буруешь.

— Ты глянь, дышать научился, — оскалился Жак. — Предъявы кидает.

— Если вру, — сказал я, — найдём очевидцев и спросим по понятиям. Давай забьёмся.

Жак дёрнулся. Бык схватил его за руку:

— Жак, тормози. Пацан набухался, не обессудь.

Но Жак уже тащил меня за шиворот за угол. Там он бил методично, по корпусу, по печени. Я попытался ответить, но он нырком ушёл от удара и сбил меня с ног левым боковым.

— Ты крыса! — орал я с земли. — Ты барбос, который любит пожрать! Ответ не держишь, балабол! За тобой долг!

Он бил и бил, пока я не замолчал.

— Жак, не тупи, — сказал Вертяк. — Убьёшь.

Жак остановился.

— Дурачок ты, — выдохнул он и сплюнул. — Потом пообщаемся, как протрезвеешь.

Они ушли. Я лежал в кустах и смотрел в чёрное небо без единой звезды. Лежал долго. Потом встал и поплёлся домой.

Дома я умылся и посмотрел в зеркало. Лицо было месивом: губа разбита, глаз заплыл. Но внутри появилось что-то другое. Не страх и не боль, а что-то холодное и твёрдое.

Я открыл кухонный шкаф и достал нож, длинный и острый, которым мать резала хлеб. Сунул его в рукав куртки и вышел.

Ночь была холодной, улицы пустыми. Я знал, где живёт Жак, знал подъезд и квартиру. Кровь стучала в висках, глаза застилала пелена. Я позвонил, долго. Наконец дверь открылась. Жак стоял на пороге сонный, в майке, ещё полупьяный.

— Ты? — сказал он. — Ты чё? Бешенство матки, что ли?

— Выходи, поедем за город, — сказал я. — Ты и я, больше никого. Поговорим по-людски.

Жак молчал и смотрел на моё разбитое лицо, мне в глаза. Было в них что-то такое, отчего ему стало не по себе.

— Ты чё, завалить меня хочешь? — спросил он, и голос дрогнул.

— Долг отдашь красиво, — прошипел я. — Тогда и рассчитаемся.

— Прямо сейчас? Ты с дуба рухнул? Где я тебе среди ночи долг возьму? Завтра. Завтра отдам.

— Опять мне в уши ссать будешь, — сказал я. — Вроде разумный, а как до дела, так оправдываешься.

Я шагнул вперёд, и он отшатнулся. Нож я уже достал, но держал вдоль руки, чтобы не было видно. Жак ножа не видел. Но звериное чутьё, которое спасает от смерти, выло внутри него.

— Слушай, — быстро заговорил он. — Давай выпьем, я угощаю. Идём, я щас.

Он захлопнул дверь и закрылся на ключ.

И в этот момент из темноты выскочил брат.

— Искандер! — крикнул он. — Ты где шляешься?

Он схватил меня за руку и потянул.

— Пойдём домой. Мама плачет, она тебя ищет, не спит.

Пойдём. — И повторил тише: — Пожалуйста.

Я постучал в запертую дверь.

— Завтра, — сказал я Жаку. — Завтра подойду.

Потом развернулся и пошёл домой. Брат шагал рядом и молчал. Только у подъезда он сказал:

— Ты дурак. Ты мог его убить. И сесть. И всё. Мама бы не пережила.

Я ничего не ответил и поднялся в квартиру. Мать сидела на кухне, заплаканная. Увидев меня, она вскочила и обняла.

— Где ты был? Я места себе не находила!

— Прости, — сказал я. — Я больше не буду.

Глава третья. Никто, которого звали никак

Девятый класс. Детство уже сдохло, а взрослая жизнь ещё не началась, и я болтался между ними, как говно в проруби. Снаружи я остался тем же дрыщом с лоховским лицом. Но кое-что изменилось: наезды прекратились. Сильнее я не стал, подтягивался всего пятнадцать раз и весил меньше шестидесяти. Просто обо мне пошла молва.

Слухи на районе работают как вирус. Кто-то что-то ска-

зал, кто-то услышал, кто-то приукрасил, и вот уже незнакомые пацаны кивают мне при встрече, а девчонки, которые раньше смотрели сквозь меня, задерживают взгляд. Только я-то знал правду: я никто. И зовут меня никак.

Я часто стоял у окна и смотрел во двор, где пацаны и девчата гоняли мяч через сетку. Обычная жизнь. Выйти к ним я не мог, что-то держало меня, как цепь: страх, привычка или понимание, что там я чужой.

По праздникам, когда в город приезжали заезжие звёзды, я всё-таки выбирался из дома. Но не к людям, а в толпу, где можно было затеряться. Я бродил один и глазел на парочки: как они держатся за руки, смеются, целуются в подъездах. Мне казалось, что вся молодёжь смотрит на меня и ржёт, что за спиной у меня шепчутся. Я отчаянно хотел компании, друга, девушку, хоть кого-нибудь, кто сказал бы: «Эй, Искандер, пойдём погуляем». Но кто подойдёт к дрыщу с ботанским лицом, который читает книги и ест хлеб с сахаром?

Утешением оставались книги. Я глотал всё подряд: фантастику про далёкие планеты и справедливое будущее, а ещё толстые медицинские тома из отцовской библиотеки. Однажды, заболев обычным гриппом, я нашёл у себя признаки гангрены лёгких и рака. Три дня я ходил бледный, прощался с жизнью и писал прощальное письмо. Потом температура спала, и я понял, что был дураком.

А потом ко мне подошли.

Я сидел на лавке во дворе, когда меня позвали. Чёрный,

жирный, с лицом, будто вырубленным топором, с маленькими злыми глазами и бычьей шеей. Звали его Робот: за квадратную башку и за то, что двигался медленно, но неумолимо, как машина. Старшак. Рядом сидели его подпевалы, лохи, вечно лузгавшие семечки, и один из них кивнул в мою сторону. Робот махнул рукой.

Я знал правило: кто сам подошёл и сам протянул руку, тот уже жертва. Но ноги понесли меня вперёд, будто кто-то толкал в спину. Робот усмехнулся и сжал мою ладонь так, что хрустнули кости.

— Салам, братишка, — сказал он низким голосом, как из бочки.

И начался ад.

Полгода этот гад издевался надо мной. Он присылал малолеток, и те вытягивали меня на улицу. Я ходил за ним по пятам, как собака. Он совал мне оплёванную сигарету, гонял в магазин, заставлял выносить мусор и таскать воду. Рядом с ним Жак казался мне почти человеком, даже хорошим. Бил меня Робот редко, ему это было ни к чему: хватало одного взгляда. Я знал, что будет хуже, если не подчинюсь.

Всё кончилось в один жаркий летний день, когда асфальт плавился под ногами. Робот сидел в беседке с пацанами и со своей девкой, тощей, крашеной, с жвачкой во рту. Она смотрела на меня, как на таракана.

— Родной, — протянул Робот, — мы из-за твоей несчастной рожи хмурыми стали. Смотреть на тебя противно.

Я улыбался как дурак, надеясь, что это шутка.

— Станцуй, — сказал он. — С тебя стриптиз, а то всем настроение портишь.

Пацаны заржали, девка захихикала. И внутри у меня что-то щёлкнуло.

Я схватил со стола недопитую бутылку водки и разбил её о его физиономию. Брызнуло стекло, потом кровь. Робот заорал и схватился за лицо. Он был тяжелее меня на пятьдесят килограммов, но я вцепился ему в грудки и начал бить кулаком: раз, два, пять, десять, пятнадцать. По лицу, по морде, по квадратной башке. Кровь заливала ему глаза и подбородок, девка визжала, пацаны тянули меня за плечи, но я вырвался. Бил, пока Робот не рухнул на пол беседки.

Потом, не помня себя, я расстегнул штаны. Мне хотелось растоптать его так, чтобы он запомнил навсегда.

— Стоять, суки, а то всех обоссу! — заорал я чужим голосом. — Ты в конец набухался! Дыню тебе пробило, что ли? Возрастом пользуешься?

Но не вышло. Что-то внутри не позволило. Я застегнулся и сказал:

— Вечером. В беседке. Раз на раз. Насмерть.

Робот посмотрел на меня из лужи собственной крови.

— Давай.

Вечером я выпил спирта, который нашёл в отцовском шкафу: отец прятал его для праздников. Горло обожгло, в голове зашумело. Я сунул в карман нож и пошёл к беседке.

Там уже собралась толпа человек в пятнадцать, пацаны и девчата, и все смотрели на меня. Робот ждал. Он умылся, но лицо всё равно было разбито, губы распухли, глаз заплыл.

Я встал в стойку. Страху не было. Я пришёл умереть или сесть, третьего не дано.

Робот оказался неуклюжим и медленным. Он махал кулаками, как мельница, но не попадал. Я ударил раз, другой, третий и разбил ему морду в кровь. Нож в кармане так и не понадобился.

— Халас! — взвыл Робот. — Всё! Хватит!

Я помог ему встать и тут же снова уронил парой ударов на оплётанный пол. Он разрыдался по-настоящему: сопли, слёзы и кровь смешались.

— Я же сказал, насмерть, — произнёс я. — Все слышали, как ты подписался. А теперь тормозишь, дорогой. Или сдохнешь здесь, или проси прощения.

В его глазах стоял животный ужас.

— Не обессудь, — прошептал он. — Прими извинения. Я перегнул, признаю. Прости.

Я поднял его, подвёл к выходу и смачно пнул в жирную ягодицу. Толпа заржала и заулюлюкала. Робот упал на четвереньки и пополз прочь, как побитая собака.

Я остался в центре беседки и оглядел толпу: девчат, которые смотрели на меня с уважением, пацанов, которые кивали. Я по-прежнему был никем, и звали меня по-прежнему никак. Но в тот вечер я перестал быть жертвой.

Домой я шёл, пошатываясь: спирт выветривался, голова кружилась. В прихожей меня встретил брат.

— Ты чего? — спросил он, увидев моё лицо.

— Ничего. Просто устал.

Я лёг на диван и закрыл глаза. Вкуса победы не заменит никакое другое чувство. Разве что вкус мести. И в ту ночь я ощущал оба сразу.

Глава четвёртая. Конь

После Робота ко мне прилипло новое имя: Конь. Не за силу и не за красоту. В тот вечер в беседке все видели, что я расстегнул штаны, и этого хватило. «Эй, Конь, сделай золотой дождь!» «Конь, покажи ещё раз!» Девки ржали, пацаны подначивали, а я краснел и молчал.

Беда была не в самом поступке, а в том, что я так и остался наивной мишенью для шуток. Стеснительным и слишком добродушным. Огрызаться я не умел, послать подальше тоже, заставить замолчать тем более. Стоял и краснел, пока надо мной смеялись. Я размазал Робота, но внутри оставался прежним ботаном. На районе так и бывает: можешь набить морду одному, двоим, троим, но если внутри ты всё тот же забитый мальчик, который боится сказать слово поперёк, ничего не изменится.

Денег не было. Ни на гулянки, ни на девушку. Друзей тоже. Серьёзно меня никто не воспринимал: я был Конём, шуткой, экспонатом. И я ненавидел себя за то, что тогда в беседке сделал это.

К концу школы стало ясно: пора что-то менять. Я выбрал путь: стану хирургом, поступлю в медицинский. Но учёба стоила денег, а родители, два школьных учителя, зарабатывали ровно столько, чтобы хватало на хлеб и лекарства. Брат-ботан прошёл на бюджет, а мне это не светило: последние полгода я не ходил в школу, готовился сам, а без репетиторов и хорошего аттестата на бюджет не пробиться.

За полгода до выпускного я устроился донерщиком.

Круглосуточный киоск на проходном месте, оплата наличными, процент с продаж. Я работал за двоих, продавцом и поваром, и мои донеры прославились на весь Алматы. Очередь стояла с утра до ночи. Я пахал как папа Карло, как ломовая лошадь: спал по четыре часа, ел на ходу, руки были в ожогах от гриля, спина ныла от вечного стояния.

Но именно там, в подсобке между сменами, я начал качаться. Отжимался от пола, подтягивался на трубе, которую сам приварил к стене. Сначала десять раз, потом двадцать, потом пятьдесят. Тело менялось: плечи раздалились, спина выпрямилась. Я купил бандаж, чтобы убрать сутулость, и однажды поймал себя на том, что иду прямо и смотрю вперёд, не пряча глаз. Исчезла вечная сжатость, будто я жду удара. Походка стала тяжёлой и уверенной. Я всё ещё был Конём, но таким, который знает, что делает.

На выпускной я всё же пришёл. Кто-то из одноклассников уговорил, не помню кто. Скорее всего, из жалости или из любопытства: посмотреть, что стало с тем дрыщом.

Актальный зал, гирлянды, шары, музыка. Девчонки в платьях, пацаны в костюмах, у большинства родительские деньги, машины и будущее, которое уже оплачено. Я стоял у стены в простой рубашке с распродажи и чувствовал себя чужим, как всегда. Но что-то изменилось. Ко мне стали подходить. Первой была высокая девушка с длинными волосами в синем платье, она пригласила меня на вальс. Танцевать я не умел, наступал ей на ноги, краснел, извинялся, а она смеялась, но не зло. Потом пригласила вторая, потом третья. А под конец вечера красивая высокая девушка с глазами цвета мёда поцеловала меня в губы.

Тут меня накрыла паника, и я снова стал прежним Искандером: красным, смущённым, не знающим, куда деть руки. Но тот день я запомнил навсегда. Первый поцелуй. Всю ночь я ворочался и улыбался в потолок, как идиот.

А потом всё закрутилось. Я наконец стал нормально есть, спать и работать, почти не вылезая из киоска: донеры, донеры, донеры. К началу учебного года я собрал нужную сумму для поступления и ещё сверху, хватило бы даже на два года. Депрессия ушла сама, будто её и не было. Я качался, работал и слушал всё, что мог найти: лекции по медицине, подкасты, аудиокнижки по истории болезней. Я готовился.

И поступил.

Я собрал документы и поехал в Алматы, в Казахский национальный медицинский университет имени Асфендиярова, на общую медицину. Стоял перед главным корпусом и не

верил, что я здесь, что я студент и больше не донерщик.

Университет встретил меня толпой абитуриентов: молодых, красивых, богатых. Девушки в коротких юбках, с идеальными причёсками и макияжем, который стоил дороже моей месячной зарплаты. Парни в дорогих кроссовках, с новыми айфонами и ключами от «Тойот», «Мерседесов» и «БМВ» на парковке. Они смеялись и фотографировались на фоне корпуса. Рядом стояли родители, солидные мужчины в костюмах и женщины в дорогой косметике, и привезли они своих детей так, как привозят ценную вещь в комиссионку.

Я стоял среди них в простой куртке, с рюкзаком с барахолки. И чувствовал не себя чужим, нет. Я чувствовал радость, настоящую и глубокую, какой не знал никогда. Я поступил. Я здесь. Пусть у меня нет машины, богатых родителей и модной одежды, зато есть я. И я сам это сделал.

Я вошёл внутрь. В коридорах пахло формалином и старыми книгами, студенты шли с конспектами, что-то обсуждали и смеялись. Девушки оглядывались на меня с интересом, а не с насмешкой. Я шёл мимо них и впервые в жизни чувствовал: я на своём месте.

Глава пятая. Факультет

Первый семестр начался с речи старика-преподавателя. Он стоял за кафедрой седой, с усталыми глазами, в белом халате, который сидел на нём как вторая кожа, как саван,

надеваемый тридцать лет подряд. Голос у него был тихий, но от этой тишины холодела спина. Он говорил о призвании врача, о милосердии, о том, что медицина не профессия, а служение. Что отдавать себя надо целиком, без остатка, и не ждать благодарности.

Я слушал, и внутри шевельнулось что-то тёплое и живое, что я давно считал мёртвым. Настоящее воодушевление. Я уже видел себя в операционной со скальпелем в руке, спасающим одну жизнь за другой. Пусть учёба, интернатура и практика заберут восемь лет, я отдал бы их все без сожаления. Впервые я чувствовал, что нашёл своё место. Что я не просто Конь, над которым ржут, а будущий врач.

На парах я не спал. Пока остальные клевали носом на задних рядах, я сидел за первой партой, ловил каждое слово и выделял маркером главное. Вечером перечитывал конспекты, разбирал непонятное, иногда засиживался до трёх ночи. Я не жаловался, я жил.

К концу семестра я вошёл в тройку лучших, а сессию сдал на отлично по всем предметам. Я стоял в коридоре с зачёткой, смотрел на ровный ряд красных записей и улыбался.

С сокурсниками всё складывалось сложнее.

Девушки в основном были из богатых семей: ухоженные, с маникюром, с дорогими телефонами и машинами, которые им дарили родители. Именно такие мне и нравились. Я смотрел на них и чувствовал восхищение пополам с горечью. Восхищение их красотой и лёгкостью, горечь от того,

что они никогда не посмотрят на меня так, как на парней с «Мерседесами» и золотыми картами. Бедные тихони меня не интересовали, и дело было не в снобизме. Я хотел забыть ту жизнь, нищету и унижение, всё, что оставил за порогом университета.

Красавицы, как водится, меня не замечали. Толстушки и малорослые девчонки симпатизировали мне, но как-то вполсилы. Были и некрасивые, которые при этом задирали нос, и на таких мне было плевать с высокой башни.

Однажды я шёл на очередную пару, и мне навстречу вышла Оксана Бережная с четырьмя подружками. Судя по всему, они уже приложились к медицинскому спирту для расслабухи. Оксана выскочила из круга, распахнула куртку и завопила на весь коридор:

— О, Искандер, красавчик! Возьми меня, ничтожество! Я вся твоя! Исполню все твои фантазии!

Подруги грохнули. Я покраснел и застыл, не зная, куда деть руки. Внутри всё сжалось, как в детстве, и я снова стал дрыщом из беседки, над которым смеются. Хуже всего было понимать: я поступил, сдал сессию на отлично, изменился внешне, а внутри по-прежнему сидел тот мальчик, который боялся сказать слово поперёк. Сколько ни качай тело, пока не переделаешь душу, останешься тем же никем.

Запомнилось и другое. Одна сокурсница, родственница заведующей столовой, сцепилась с парнем из-за места в очереди, и тот прямо у кассы ударил её кулаком в челюсть. Она

села на пол, расплескав на себя сок, подружки завыли как ведьмы. Меня там не было, но потом рассказывали, что двое ребят из нашей группы стояли рядом и не вступились. Парень был из тех, у кого палец в рот не клади. Я подумал: вот она, человеческая природа. Все мы звери. Одни носят белые халаты и говорят о милосердии, другие бьют девчонок в очереди, и никто не заступает, потому что страх сильнее совести. Так было, так есть и так будет.

На курсовом собрании Жанар Искаковна, грузная женщина с бодрой походкой и такой короткой шеей, будто голова прибита прямо к туловищу, поливала грязной бранью отстающих. Те мямлили что-то в ответ. К концу года из нашего потока отсеялись пять человек: четыре девушки, которые забеременели, и один парень, чьи родители не смогли платить за учёбу. Спустя годы я случайно встретил его у аэропорта. Он работал таксистом. Я смотрел на него и думал: мог бы стать врачом, мог бы спасать людей, но деньги решили иначе. В этом мире всё решают деньги, связи и то, кто ты и откуда. А талант, упорство и желание никому не нужны. Это красивая сказка для бедных.

Глава шестая. Субботники, жабы и волки

Студентов регулярно выгоняли на субботники: убирать территорию, красить бордюры, сгребать листья. Тогда я бесился. Считал это унижением, потерянным временем и глупостью. Теперь, вспоминая студенческие годы, я понимаю, каким был дураком. Сейчас я вспоминаю те субботники с

теплом и ностальгией. Странная штука память: она выворачивает всё наизнанку, и то, что ненавидел, становится дорогим, а что проклинал, почти святым.

Чаще всего всплывает Гульжан, моя сокурсница. Некрасивая, мужеподобная, с широкими плечами, тяжёлой челюстью и низким голосом. Я бы удивился, если бы она вышла замуж. Подруги у неё были полной противоположностью: эффектные, как актрисы из голливудских подростковых комедий, на таких невольно задерживался взгляд. Рядом с ними Гульжан выглядела ещё грубее.

Как-то в огромном холле кто-то из студентов постарше, из параллельных групп, крикнул ей вслед:

— Жаба!

Кличка прилипла намертво. Сначала мне было смешно: молодой, глупый. Но к концу второго курса это начало меня раздражать. Может, потому что я сам когда-то был мишенью. Может, потому что видел в ней себя, мальчика из беседки, над которым ржали все подряд.

Я вырос в провинции и умел за себя постоять: дрался с любым, не глядя на вес и рост. Поэтому в тот раз я «случайно» задел плечом того, кто кричал, схватил его за грудки и прошипел:

— Уважаемый, походу, земля для тебя тесная.

Тут же подбежали его дружки, подтянулись и мои. Мы всей гурьбой вывалились за корпуса, и там стало жарко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.